

Книга Евгении БОСИНОЙ

Вторая книга Евгении Босиной «Там, где нас нет» – это радость и счастье для того, кто возьмёт её в руки и, не отрываясь, прочтёт, потому что исповедальная поэзия Босиной – это страстный монолог, обращение к миру и ко всем нам, открытие себя и нас. Её стихи – это триумф поэзии, нетерпение поэта, обращающегося к судьбе, жизни, к Богу – «Дай надышаться, дай наговориться...», и при этом – «Какое счастье просто быть...». И всё время в её стихах ощущение полёта – свободное выражение мысли, свобода версификации. Но свобода говорения не означает для неё лёгкий труд, хоть она и восклицает: «О, как же дышится мне трудно, о, как мне пишется легко!..». Сказать в стихах о главном – о жизни, о смерти, о трагедии и счастья любви и о надежде, не лакируя своё и наше существование, – не просто. Но как глубоко по мысли, серьёзно и интересно каждое стихотворение, как поэтически изобретателен автор, как музыкален!

Евгения Босина чутко ощущает уязвимость нашего существования:

«...О, мотылёк, держи, покуда можешь,
Наш грустный мир на крылышках своих...»

Она выходит на публику, зная, как «на тонкий луч нанизывать слова», чтобы Слово и стихи были живыми.

При всей трагичности нашего существования она любит жизнь, радуется жизни, призывая и нас присоединиться к ней.

«...Будь славен день, начавшийся так странно,
И этот свет, плывущий надо мной,
И этот звук, негаданный, нежданный,
Ещё неясный, слабый, но живой...»

Первая книга Босиной для нас была откровением, открытием. Вторая книга подтверждает, что у нас появился глубокий, серьёзный поэт, ощущающий свою ответственность перед миром и нами.

Удачи ей!

Вадим ХАЛУПОВИЧ

Об авторе

Босина Евгения репатриировалась в Израиль в 1990 г. из Киева. Живёт в Нагарии, преподаёт русский язык. Стихи начала писать в Израиле. Печаталась в литературном альманахе «Встречи» (Филадельфия, №№ 29, 30, 31), международном литературно-художественном и общественно-политическом журнале «Время и место» (Нью-Йорк, №6), ежегоднике израильской поэзии «Год поэзии. Израиль – 2007-2008») и других изданиях.

Лауреат израильского конкурса поэзии «Возьмёмся за руки, друзья!», а также – Международного Пушкинского конкурса (США, 2004, 2005, 2007). Победитель Открытого поэтического турнира в Штутгарте (Германия, 2004).

В 2005 г. вышел в свет её первый сборник стихов – «Снегопад в Галилее». В 2006 г. была принята в Союз писателей Израиля.

Вниманию читателей предлагается вторая книга Евгении Босиной «Там, где нас нет».

Под слишком жарким небосводом

* * *

На стенке написаны углем слова:
– Всё к лучшему, люди, аколь летова*.
Никто и не спорит, известно давно,
Об этом – романы, стихи и кино,
И пьесы, в которых безумствует случай,
И все погибают – и худший, и лучший.
И мир наш не нов, да и мысль не нова...
Но, может, и правда, аколь летова?
Всё то, что мешало, лишало покоя,
Вдруг к нам повернётся другой стороною:
Простятся грехи, извлекутся уроки,
Напишутся самые лучшие строки,
Всё переболит, заживёт и срастётся,
Ушедший когда-то – поймёт и вернётся,
А тот, кто не сможет уже возвратиться,
Пускай нас хранит и хоть изредка снится!
Вы только поверьте, вы только сможете...
На двух языках – на родном и иврите –
Твердить не устану, покуда жива:
– Всё к лучшему, люди, аколь летова!

---

* Аколь летова (иврит) – всё к лучшему

* * *

Разбитыми дорогами Вселенной
Грохочет время – старая арба.
И правит мной всю жизнь попеременно
Судьба и случай, случай и судьба.

Но королевой будь я или пешкой,
Семи и боле пядей будь во лбу,
Не различить мне в суете и спешке
Судьбу и случай, случай и судьбу.

Я только слышу грохот той летучей,
Никем не управляемой арбы
И только знаю, что сама – лишь случай
Всеобщей человеческой судьбы.

* * *

Устал мой ангел, спину крылья трут,
Года не те, и хочется покоя.
Хранить людей – весьма нелёгкий труд,
Беречь людей – занятие непростое.

Трудился он, не покладая крыл,
Ему забот со мной всегда хватало,
А если что – то лишь себя корил,
Что, мол, трудился мало, мало, мало.

Он постарел, с седою головой,
Но всё такой – без страха и упрёка.
Спустился с небес, уставший ангел мой,
Поговорим о чём-нибудь высоком.

Ну, вот и ты! Сними тяжёлый меч,
Давно из моды вышедшие латы.
«Что, нелегко всю жизнь меня беречь?»
«Беречь тебя, мой друг, тяжеловато.»

А мне о многом хочется спросить.
Ответь: «Куда уходит день вчерашний?
И отчего порой так трудно жить?
И кто сказал, что умирать не страшно?»

В ответ – молчанье. Только дверь скрипит
От сквозняка. Напрасны все усилья –
Мой ангел спит. Он крепко-крепко спит,
Во сне сложив натруженные крылья.

Садово-Триумфальная

На незнакомой мне, реальной, –
Должно быть, шум, бензинный смрад...
Там, на Садово-Триумфальной,
Чей был триумф? И есть ли сад?

Зачем обещано так много
Слияньем странным этих слов:
И ликование, и дорога,
Прохладный рай, зелёный кров?

Мне дела нет до настоящей!
Я – о придуманной, о той,
Где луч летящий, шмель гудящий
Над юной веткой золотой,

На той Садово-Триумфальной –
Триумф тычинок, трав, корней
И старой яблони печальной,
И молодых её детей,

Триумф пионов и сирени,
Триумф крыжовника и груш,
Трудов неспешных, сладкой лени,
Всех смертных тел, всех вечных душ.

О, друг мой, вспомни в час прощальный,
В миг поражения, в день беды:
Там, на Садово-Триумфальной,
Триумф свой празднуют сады!

Про Марию и про птицу

Марии Фердман

Поддавало солнце жару,
Млело море вдалеке.
Шла Мария по Адару*
С яркой птицею в руке.

Ах, пластмассовая птица!
Не кукушка, не удод,
Не журавлик, не синица,
Не летает, не поёт,

Не страшит её ненастье,
Ни к чему ей червячок...
Ах, пластмассовое счастье,
Разноцветный маячок.

Только птица это всё же:
Птице нужен небосвод,
Полетит она, быть может,
И, быть может, запоёт.

Отпусти её скорее!
Не вернётся? Ну и пусть!
Улетает вместе с нею
Непластмассовая грусть.

---

*Адар – один из районов Хайфы

* * *

Прости мне прежние грехи
И те, что совершу,
Уже рождённые стихи
И те, что напишу,

Прости, что холод от огня,
Что не пьянит вино,
Что той тебя и той меня
На свете нет давно.

Прости, родной мой человек,
Что помню до сих пор
Каштан озябший, утро, снег,
Засыпавший наш двор,

И летний полдень: речка, смех,
Летающий в синеву...
Прости мне самый тяжкий грех –
Что всё ещё живу.

* * *

На борту американской межпланетной
автоматической станции «Феникс»,
26 мая 2008 года совершившей посадку на Марсе,
кроме суперсовременной аппаратуры,
были несколько десятков лучших
научно-фантастических книг...

Цветам на Марсе не расцвести,
Там тихо, пусто и сурово.
Но жизнь на Марсе всё же есть,
Поскольку есть на Марсе Слово.

Пейзаж планеты сер и дик,
Но на Земле отныне знают,
Что два десятка мудрых книг
На той планете обитают.

Однажды серым мутным днём
В ней что-то вздрогнет и очнётся.
Ах, было б Слово, а потом
Всё обязательно начнётся!

Зажжётся свет, растает лёд,
Дожди прольются, лес задышит,
Чтоб, наконец, явился тот,
Кто всё прочтёт и сам напишет,

Кто будет, стоя у окна,
Смотреть на сад, на птичьи стаи,
Кто вкус волшебного вина
Из одуванчиков узнает.

16 Евгения Босина «Там, где нас нет»
Он будет жить в кипеньи дней,
Искать мучительно дорогу,
Но рядом – Айзик, Курт и Рэй,

Иван и Жюль. Они помогут.
Всё будет: реки и мосты,
Зверьё, диковинные птицы
И ярко-жёлтые цветы

Со сто двенадцатой страницы.
Всё будет так, как быть должно!
Уже опущены канаты,
Уже придумано вино,
Что будет выпито когда-то...

* * *

Похожих дней плетётся череда.
В окно глядишь – там лето, то же лето.
А Золушка не едет никуда,
И тыкве – никогда не стать каретой,

И кучер не взлетит на облучок,
Вмиг позабыв мышинные повадки,
Фореитор, нахлобучив паричок,
Не встанет с важным видом на запятки,

Не горячатся кони у крыльца,
И не спешат солдаты в треуголках,
И сказка без счастливого конца
Дописана и спит на книжной полке.

Ах, спи себе, бедняжка! Кончен бал,
Спектакль сыгран, опустела сцена.
Вернулся принц с работы. Он устал.
И сказки им забыты совершенно.

* * *

Под слишком жарким небосводом,
При слишком ярком свете дня
Учу, Кирилл, учу, Мефодий, –
Чему учили вы меня.

Какая трудная наука!
Как надо верно ей служить!
Сначала «аз», а после «буки»,
Не уставая выводить,

Бродить в прекрасных, но опасных
Краях (тут – чаща, там – овраг),
Средь этих гласных и согласных
Бог знает, с чем, Бог знает, как,

Средь этих мягких, тонких звонких,
Средь твёрдых, гордых, но глухих,
Чтоб рассказать потом ребёнку
Всё-всё о тех и о других.

Они давно и без сомненья
Мои знакомцы и друзья,
Но нет конца сему ученью
И уставать никак нельзя.

Какое нынче время года?
Не всё ль равно! Зажгу свечу.
Смотри, Кирилл, гляди, Мефодий,
Я продолжаю, я учу.

В кругу иных словес и звуков
Да не померкнет наша речь!
Пиши-ка, детка: «аз» да «буки»,
Чтобы потом свечу зажечь.

* * *

Покуда под ногами твердь,
Покуда не разверзлись хляби,
Давай, мой друг, обманем смерть,
Давай попробуем хотя бы.

Нам ведом взмах её крыла,
Её повадки нам знакомы.
О, смерть, когда б ты ни пришла,
Нас никогда не будет дома –

Явись хоть днём, хоть поутру,
Хоть в душный час перед рассветом...
Давай затеем с ней игру,
Давай отважмся на это:

Устроим праздник, кавардак,
Все карты спутаем в колоде,
Нарушим – этак или так –
Круговорот беды в природе!

Пока свече в окне гореть,
Звезде – мерцать на дне колодца,
Давай, мой друг, обманем смерть,
Пока обман нам удаётся,

Пока ещё за кругом круг
Состав вершит без остановки,
Пока ещё нам сходят с рук
Все эти детские уловки.

* * *

Людмиле Каганович

1.

В бездну лечу или падаю ввысь, –
прыгает сердце усталым паяцем...
Слышишь, прошу, ты мне больше не снись:
просто потом тяжело просыпаться.

Вот и опять мы стоим у межи –
нас разделившей незримой границы.
– Кто ты теперь? – если можно, скажи, –
Память моя? Или тень? Или птица?

Гаснет луны раскалённая медь.
Я ничего не спрошу о вчерашнем.
– Как тебе там? – если можно, ответь, –
Не одиноко? Не больно? Не страшно?

– Боже, о чём мы с тобой говорим?!
Таёт бесщётное звёздное просо.
Ты удивляешься глупым моим,
странным моим, непонятным вопросам.

– Лучше скользнём в предрассветную высь,
Где чуть качается лунное блюдце...
Будь милосердна! Не снись мне, не снись:
вдруг я однажды решу не проснуться?

2.

«Я изучил науку расставанья...»

О. Мандельштам

Как нести неподъёмную кладь,
Не постигшим суровой науки?
Я ещё не привыкла терять.
Я ещё не привыкла к разлукам.

Кто-то в чёрном погасит свечу,
Кто-то в белом допишет страницу...
Не хочу привыкать, не хочу!
Не берите меня в ученицы!

В школе сей не бывает наград
За старанье. Здесь пишут не мелом.
Молча ждут у распахнутых врат
Два наставника – в чёрном и в белом.

Не меня ли? Нет, я не гожусь,
Хоть от боли так часто слабею.
Я несу эту кладь, этот груз
Без подмоги, сама, как умею...

* * *

Пред тем, как дню разбиться на кусочки,
Страшась взглянуть туда, где тлен и мрак,
Я б попросила, Боже, об отсрочке,
Да вот не смею и не знаю как.

Что ни назначь, я всё приму спокойно,
Но у другой, неведомой, черты,
Не потому, что я сего достойна,
А потому, что милосерден – Ты.

Прости мой лепет, жалкий, жаркий, детский
Косноязычье непослушных уст.
Ещё немного... Дай мне наглядеться
На этот сад и в нём растущий куст,

Повремени с судом и приговором,
Пусть будут позже – только не сейчас.
Ещё чуть-чуть... Услышать лес и горы,
Увидеть свет любимых лиц и глаз.

Дай надышаться, дай наговориться,
Вернуть долги – и другу, и врагу.
Отсрочь её – последнюю страницу,
Отсрочь её – последнюю строку!

И в миг, когда в конце поставлю точку
Или вопроса изумлённый знак,
Я прошепчу: «Спасибо за отсрочку».
И, не страшась, взгляну туда, где мрак.

* * *

Но Лондон звал твоё внимание. Твой взор...
А.С. Пушкин

Но Лондон звал твоё внимание. Твой взор
Влекли, тревожили, манили
Биг Бен, Парламент, Пикадилли...
Они и нас тревожат до сих пор.

Струилась Темзы серая вода,
А подо льдом Нева до срока стыла...
Как ни ложились карты, – выходила
Одесса... Тверь... Но Лондон – никогда.

Ужель ты есть на свете, Альбион?
Отсюда, где спокойный день, – удача,
Туманно всё, всё видится иначе,
И ты – мираж, не более, чем сон.

А за окошко глянешь – там зима.
Густеют тени, оплывает свечка.
Семья, долги, дуэль на Чёрной речке...
Иль карты лгут, иль я схожу с ума.

А, впрочем, к чёрту карты, карты – вздор!
Вот-вот весна, а там и вовсе лето.
Что за судьба – в России быть поэтом!
И Лондон снова звал внимание и взор.

* * *

Летели недели гремящим составом
По рельсам опасным, лихой колее,
Бросало вагоны то влево, то вправо,
То будто рукой прижимало к земле.

Вагоны мелькали, вдали пропадали,
И в каждом – набитом обрывками снов –
Всего было вдоволь: любви и печали,
И будничных тайных и явных Голгоф.

Поля, перелески, разъезды, вокзалы..
Ни выйти нельзя, ни вернуться назад.
Те, кто распинал и кого распинали, –
Все вместе несутся вперед наугад.

Грохочет состав по стальным параллелям
Сквозь пыльные бури, сквозь ливни и снег.
– А что же потом, за последним туннелем?
О, бедный, о, слабый, смешной человек!

О, эта безумная вечная тряска!
Но снова с улыбкой на сонном лице
Ребёнок в купе засыпает под сказку
Про свет, что обещан был кем-то в конце.

* * *

Кто сказал, что надежда умирает последней?
Это только слова! Я сейчас докажу...
Ах, надежда моя, ты погибла намедни,
Ну, а я – ничего: и дышу, и хожу.

Я надежду свою как могла схоронила.
Вот над холмиком свежим стою и реву.
Горевала три дня, а потом отпустило,
А потом поняла, что и так проживу.

Вот гляжу на себя: вроде всё, как и прежде,
Вроде всё, как всегда, только что-то не так!
Ах, конечно, глаза – новый взгляд, без надежды.
Впрочем, взгляд – это что, это просто пустяк.

Дни идут чередой: дождь – зимой, солнце – летом,
Может быть, проживу тридцать лет или сто,
Но зачем? Для чего? Для кого? Нет ответа...
Это знает лишь Тот, сами знаете Кто.

О, надежда моя! Оживи, сделай милость!
И печаль утоли, и коснись моих глаз!
Вот один тут воскрес – у него получилось.
Правда, было давно и всего только раз...

Говорят, что надежда умирает последней.
Где там! Как бы не так! Я могу доказать:
Ах, надежда моя, ты погибла намедни,
Ну, а я – ничего, продолжаю дышать.

Концерт в заповеднике Бейт Гуврин под Иерусалимом

Сожмётся сердце больно-больно,
И покачнётся древний свод,
Когда в пещере колокольной
Печально скрипка запоёт,

Вспорхнёт неведомая птица,
Взметнутся тени от огня,
И превратятся в лики лица
Сидящих около меня.

И каждый – свят, и каждый – грешен,
И внемлет звукам, чуть дыша,
И в каждом плачет безутешно
Давно бесслёзная душа.

О, как прекрасны мир и люди,
Покуда скрипке власть дана!
Но что затем? Что после будет,
Когда начнётся тишина?

Какие горести и вести?
Излом каких ещё эпох?
Знать не хочу! В сей час мы вместе –
Я, ты, Вивальди, Бах и Бог.

* * *

Какое счастье – плыть в закат
За серебристой рыбьей стаей
Туда, где ангелы трубят,
Покоя вод не нарушая.

Какое счастье – просто плыть
Под этим небом тёмно-алым,
Какое счастье – просто быть,
Быть без конца и без начала

И на мгновенье ощутить
Себя воды и неба частью,
И пожелать остановить
Сей краткий миг с названьем «счастье»,

Стать ветром, птицей, ручейком,
Песчинкой, незаметной глазу,
Морским прибоем, тростником,
Всем тем, что есть и будет, сразу,

Что на земле, и над, и под...
И не гадать потом напрасно,
Какой предьявлен будет счёт
За этот самый миг прекрасный.

* * *

Какая связь меж сном вчерашним
И днём, стоящим у ворот?
Меж словом, брошенным и зряшным,
И тем, которое спасёт?

Меж бледным крохотным огарком
И солнцем, хлынувшим в окно?
Меж сердцем, бьющимся и жарким,
И тем, не бьющимся давно?

Меж тем, что смертным знать не надо,
И тайной, ведомой двоим?
Твоим чужим, потухшим взглядом
И тем, светящимся твоим?

Меж «да» и «нет»? Меж всеми нами
И тем, что будет после нас,
Меж тем, что видимо глазами
И скрытым тщательно от глаз,

Меж глиной, пальцами согретой,
К звезде взметнувшейся волной
И Тем, Кто знает все ответы
На всё не спрошенное мной?

* * *

Нарушив древние табу,
Забыв тьму истин осторожных,
Переписать свою судьбу
Мне вдруг покажется возможным.

Кем был задуман так сюжет
И кто спектакль сей поставил,
Играть в котором много лет
Мне предстоит, не зная правил?

Каков был замысел, в чём суть?
И вот – последняя попытка:
Побольше воздуха вдохнуть
И, наконец, сорваться с нитки!

Всё будет так, как я решу!
Мне мало смены декораций:
Я пьесу всю перепишу,
В ней всё не так должно играть!

И пусть у пьес финал один,
Но всё же разве это значит,
Что ход оставшихся картин
Уже нельзя переиначить?

И пусть нарушу все табу,
И пусть меня за то осудят –
Своей рукой свою судьбу
Перепишу – и будь что будет!

Простор безбрежен, даль манит,
Всего и дел – собрать пожитки...
Но как же, Господи, болит
В том месте, где крепилась нитка.

* * *

Как ни бросишь, ляжет нечет,
Что ни скажешь, выйдет ложь...
Ты спросил меня при встрече,
Мимоходом: «Как живёшь?»
Как живу?.. Сама не знаю...
Как во сне или в бреду:
То лечу, а то по краю
В край неведомый бреду.
С каждым днём судьба всё строже –
Ни дороги, ни коня...
Поживи со снятой кожей –
Всё узнаешь про меня.
Но светло и беспечально
Я в глаза твои смотрю:
«Слава Богу, всё нормально,
Всё отлично!», – говорю.

* * *

Земля уходит из-под ног.
В какие чёрные пространства
Уносит ниточки дорог,
Леса в серебряных убранствах,

Моря, пустыни, города
В дождях, закатах и рассветах?..
Плывёт неведомо куда
Моя счастливая планета.

Земля уходит из-под ног,
И мне никак не удержаться.
Зарыться, что ли, в прелый стог?
В суглинок вязкий телом вжаться?

Но день за днём, за ночью ночь,
Сначала медленно, несмело
Она уходит всё же прочь,
И ничего нельзя поделать.

Потом быстрее, ещё быстрее.
Мелькают даты, страны, лица...
Ну, как удержишься на ней,
На голубой? на синей птице?

Всё глуше, глуше птичий крик,
Всё дальше бледное сиянье.
Так будь же славен каждый миг
Пред неизбежным расставаньем!

* * *

Зашелестит усни-трава,
Огонь затеплится в камине,
Весёлым пламенем слова
Сгорят, ненужные отныне,
Прервётся времени отсчёт,
Круговорот беды прервётся,
Звезда, качнувшись, упадёт
На дно заглохшего колодца,
А мы с тобою без труда
Взлетим, как две ночные птицы
Туда, где больше никогда
Плохое с нами не случится.

* * *

Есть только вход. Не предусмотрен выход.
Есть потолок. Есть крыша. Неба нет.
Шуршит в углу разбуженное лихо
И щурит глазки злобные на свет.

Пока дремал знакомец мой давнишний,
Сосед бессменный, закадычный враг,
Дышать не смела, птиц молила: «Тише!»
И всё чертила: «Да пребудет так!»

Давно потерял счёт бессильным строчкам,
Дверям закрытым, замкнутым кругам,
И каждый ищет выход водиночку
Из одиночки с горем пополам.

* * *

В закатном пламени над морем,
Где страсть, и нежность, и тоска,
Досель невиданным узором
Располагались облака:

Порядком строгим, застывая
За рядом ряд, за слоем слой,
Как будто тайнопись витая
Покрыла небо надо мной.

Густели тени постепенно,
А Кто-то в дальнем далеке
Писал легко и вдохновенно
На непонятном языке.

В потоках света золотого
Был мир прекрасен и смирен,
И прибавлялось к слову слово,
И за катреном шёл катрен.

Текли мгновенья бесконечно,
А Он (движеньем рук ли? крыл?)
Пером невидимым и вечным
По небу вечному водил.

Уже горело вполнакала,
Сливались строки в вышине...
Я ничего не прочитала –
Ни слова, явленного мне.

* * *

Ад – это мы сами.

С. Довлатов

В этом чудном аду
Непременных его атрибутов
Не увидишь,
Ищи не ищи – не найдёшь.
И случаются дни (или ночи),
Бывают часы и минуты,
Когда он несказанно,
Невозможно, чертовски хорош.

До того он хорош –
Разноцветный, убийственно-нежный,
До того сладок он,
Так искусно расставлена сеть,
То в цветах, то в плодах,
А зимой – ослепительно-снежный...
И поверить нельзя,
Что горел в нём и что ещё будешь гореть.

Он у каждого свой
(Не обманет ни сладость, ни нежность),
Он за каждым окном
(Опадут и плоды, и цветы),
Он за дверью любой
(О, привычный наш, о, неизбежный!),
Он в тебе и во мне,
И такой же, как я и как ты.

Мы прописаны в нём,
Мы с рождения в нём проживаем,
И рыдаем без слёз,
И бредём в темноте наугад,
Но когда добредём
До того, что считается раем,
Как потянет назад –
В ад крошечный, возлюбленный ад!

* * *

Безумным солнцем докрасна нагрета

Зима, неотличимая от лета;

Не закричит от радости и муки

Любовь, неотличимая от скуки;

Не разобрать, где – ангелы, где – черти,

И жизнь не отличается от смерти,

И камушек за пазуху положит

Твой лучший друг, на недруга похожий...

Ne daigne!*

(Монолог Марины)

Случайность времени и места,
Людей случайность – лиц и тел,
Случайность взгляда, вздоха, жеста,
Причин и следствий, слов и дел,

Однажды принятых решений,
Путей проложенных во мгле,
Смертей случайность и рождений, –
Всего земного на земле...

И в сотый раз начав сначала,
Чуть слышно, сжав губами крик,
Скажу: «Случайность, я устала
С тобой сражаться каждый миг.

Самодержавно, без оглядки
Распорядись моей судьбой!
Ну, торжествуй же! Всё в порядке –
Я проиграла этот бой.

Круши всё, что недокрушила,
Тасуй колоду так и сяк –
Я не вмешуюсь, я решила,
Я поднимаю белый флаг.

Слепа, нелепа... и всевластна...
Мне ль быть помехою тебе?
О, сколько сил и лет напрасно,
Дотла сгорели в той борьбе!

Теперь всё кончено, не так ли?
Я просто зритель... Погляжу...
Я не участвую в спектакле –
Не снисхожу! Не снисхожу!»

---

* Ne daigne! (фр.) – Не снисхожу! Марина Цветаева писала: «Девиз своему сыну я дарю: Ne daigne! Девиз, мною найденный и которым счастлива и горда больше, чем всеми стихами вместе... Такой девиз поможет и в смертный час.»

* * *

Долгов мной наделано в жизни немало.
Должна... Всем должна... Как же я задолжала –
И новому дому, и старому дому,
И первому сыну, и сыну второму,
И тем, остальным, нерождённым когда-то,
Должна всем рассветам, а также закатам,
И каждому дню, а тем более – ночи,
И очень любимым моим и не очень,
И людям случайным, и просто прохожим –
О, им я должна, разумеется, тоже!
Кому же ещё? Да листочку бумаги:
Двух слов дописать не хватило отваги,
Должна и глазам, и губам, и коленям,
Тропинкам, дорожкам, дорогам, ступеням,
Должна поездам, самолётам, вокзалам,
Всем родинам – нынешней, прежней и малой.
Не отдано мной ни единого долга,
В долгах, как в шелках... Сколько чудного шёлка!
Вот взять бы его дашить себе платьев!
Ах, до смерти было бы что надевать мне...

* * *

Я всё-таки решусь... Когда-нибудь, однажды,
Когда пойму, что мне такое по плечу:
Останусь навсегда в стране своей бумажной
И жизнь там проживу, какую захочу.

В час добрый поутру я вылечу неслышно
В огромный синий-синий бумажный небосвод.
(А ты всем отвечай, что, мол, была, да вышла,
Когда придёт, не знаю, но знаю, что придёт).

Исчезну, ускользну из выжженного лета
В прохладные пространства нездешних областей,
Где нет чужой беды, вопросов без ответов,
Нелёгких разговоров, печальных новостей.

О, как я заживу в стране своей бумажной,
Где круглый год почти то дождь идёт, то снег,
Среди её простых, её счастливых граждан
В далёких городах у незнакомых рек.

* * *

Чужое всё: обычаи и танцы,
Слова и лица, воздух и вода.
О, мальчик мой! Мы оба – иностранцы:
И здесь, и там, и далее – всегда.

Пересекаем время и пространство,
Судьбе доверяюсь, сердцу ли, звезде,
Но как некстати это иностранство:
И там, и здесь, и далее – везде.

Страшнейшее из всех возможных бедствий...
Ни царства, ни полцарства, ни коня –
Ненужное и тяжкое наследство,
О, мальчик мой, досталось от меня.

Куда влечёт нас через тьмы кромешность?
Куда идём пресветлым тихим днём?
Зачем свою случайность и нездешность
Мы, словно знамя тайное, несём?

Но ничего вокруг не узнавая,
Мы всё бредём. Селенья... города...
И снится по ночам земля родная,
Не виданная нами никогда.

* * *

Я не из гордости – из горести
Так прямо голову держу.
Б.Ахмадулина

Учусь всю жизнь, учусь всегда
Молчать, когда кричать бы впору,
Терпеть, когда начнёт беда
В канву судьбы вплетать узоры,

Обид не помнить, не хранить
В душе их вкус, их цвет печальный,
Ненужных слов не говорить,
Когда вдруг близкий станет дальним,

Учусь простому ремеслу –
Быть малой малостью довольной,
Ходить по битому стеклу
И делать вид, что мне не больно,

Учусь, учусь –из года в год –
Не ждать чудесного мгновенья,
Когда мне в руки упадёт
Тяжёлый плод сего ученья.

* * *

Юлии Зисман

Живущим в этом мире
Что ведомо о нём,
То хмуром, сером, сиром,
То ярком и цветном?

Где звёзды по соседству
И бабочки крыло,
И найденное в детстве
Волшебное стекло,

И ставший вдруг фрегатом
Унылый блочный дом,
И зёрнышки граната
На чём-то голубом,

И в памяти хранимый
Тех самых окон свет,
И с юности любимый
Шестнадцатый сонет,

Предчувствие рассвета,
Дождей благая весть?..
Ах, если бы не это, –
Никак не выжить здесь.

* * *

Держу пари, что я ещё не умер...
О. Мандельштам

Гул проводов и телефонный зуммер,
И всех трамваев ленинградских звон
Вам подтвердят, что я ещё не умер -
Я, может быть, и вовсе не рождён.

Нельзя войти в одну и ту же реку...
Но я сумею, я не разминусь
С двадцатым этим беспощадным веком
И со страной, что будет зваться Русь.

А там – Воронеж, и Чердынь-на-Каме,
И серый снег, и чёрные пески,
И неизбежный безымянный камень
Последней точкой на краю строки.

Но счастлив я! И жизнь мне не обуза,
И Божья искра не устала жечь:
Со мной моя затравленная Муза,
Со мной моя возлюбленная речь!

И голос мой не сгинул в общем шуме
Под грузом сора, мёрзлых комьев, льда.
Держу пари, что я ещё не умер,
А если умер, то не навсегда.

* * *

Любили, как любят ненужных детей,
Ласкали, как тех, кто не мил,
Душили в объятьях до хруста костей,
До треска поломанных крыл.

А пасынку двух непохожих отчизн,
Ненужному, значит, вдвойне,
Приснилась счастливая долгая жизнь
В коротком предутреннем сне.

* * *

Там, где нас нет,
Какие светят звёзды?
Как шелестит
Осока у пруда?
Известно ль там значение слова «поздно»?
Или другого слова – «никогда»?

Там, где нас нет,
Да, впрочем, и не будет,
Как на рассвете дышит
Спящий сад?
Своим любимым, Богом данным людям
Слова какие люди говорят?

О чём молчат?
Что им ночами снится –
Дом у реки,
Над ветхой кровлей дым?
Поют ли там серебряные птицы
На языках, известных им одним?

Там, где нас нет,
Но где мы быть хотели,
В июльский дождь
Распахнуто окно.
Всё решено. Все битвы отгремели.
И все грехи отпущены давно.

Там, где нас нет
И сроду не бывало,
Как терпеливо,
Много зим и лет
Река и лес, и лодки у причала
Всё ждут и ждут. А нас всё нет и нет.

Красный вагон

* * *

Двадцатый век мой, добрый, злой,
Мои потери, память, бремя...
Вперёд шагаю с головой,
Назад повёрнутой всё время.

Быть может, это тяжкий грех,
Но да простит мне век текущий,
Что я всё вглядываюсь в тех,
Кто в двадцать первый не был впущен,

Что не умею жить сейчас,
Как жить положено, как надо,
Не слышу слов, не вижу глаз
Тех, кто идут со мною рядом.

За тот, давно сошедший снег,
За всё, с чем так и не рассталась,
Пускай простит мне новый век,
Где я случайно оказалась,

Где – ни дороги, ни коня,
Ни ликования, ни грусти:
Всё там осталось, и меня
Тот век вовеки не отпустит.

Как тень, он следует за мной.
Сквозь зимы, вёсны, расстоянья
Я слышу, слышу за спиной
Его тяжёлое дыханье.

* * *

Я забываю запах снега, забываю,
Как он ложится, как хрустит, блестит и тает,
Как стонет вьюга, как поёт и как смеётся,
И звук железного ведра о дно колодца
Я забываю – вот беда! – я забываю.
Я забываю, что весной – весна бывает,
Что половодье и капель, и так тревожно,
А ты живёшь вразбег, вразлёт – неосторожно.

Я забываю летний дождь, почти забыла
Июльский гром, и сад в грозе – а так любила!
Я забываю дуб, ольху, ветлу, осину,
И хорошо б забыть совсем, но как нахлынет...
Ты говоришь: – Бери билет, и самолётом
Лети туда, где гром, где звон, коли охота.
Куда как просто и легко! Но я-то знаю,
Что сада нет, колодец скрыт, а снег растаял.

* * *

Ни в стужу, ни в зной – всё никак не согреться...
Ах, жизнь моя, жизнь – послесловие к детству,
Где солнце не жгло, а тепла всем хватало,
Где вьюга крылатая ночью летала,
Где сад и река, а вдоль берега – ивы,
Где старые – молоды, мёртвые – живы.
Гляжу на детей и с тоской, и с любовью:
Какое же им предстоит послесловье,
Какое развитие линий сюжетных,
Какие пророчества снов разноцветных,
Какие находки, потери, сомненья,
Каких мне неведомых жанров смешенье?
Пошли же им, Боже, мгновений прекрасных,
Врагов – так открытых, друзей – не опасных,
И снега зимою, и дождика летом,
Счастливых дорог на все стороны света!..
Не дай мне услышать от них укоризны,
Что детство не жизнь – предисловие к жизни.

* * *

Воды немало утечёт,
Холодный ветер кровь остудит.
О, всё когда-нибудь придёт,
Когда уже не нужно будет –

Всё то, чего ты так желал,
И ждал, как ждут счастливый случай,
Из-за чего себя сжигал,
Терял друзей, любимых мучил.

Уже годам потерян счёт,
И ты – усталый и недужный,
И вот тогда-то всё придёт,
Но ничего не будет нужно!

Гляжу в открытое окно.
Ещё чуть-чуть – и вспыхнут звёзды.
Да будет то, что быть должно!
Пока ещё не слишком поздно...

* * *

Звякнет калитка засовом,
Дверь распахнётся. Потом...
Гостя незваная, кто Вы?
Как Вы попали в мой дом?

Длинные синие тени
Чертят узор на стене.
В Женщине этой Осенней –
Что-то знакомое мне.

Может, мы раньше встречались?
Нет, показалось впотьмах...
Сколько, о, сколько печали
В этих дождливых глазах,

Бледных, озябших рассветов,
Туч над сиротством полей!
В них ещё – отблески лета,
В них уже – стынь февралей.

Встреча была неизбежна,
Хоть и не прошена мной,
С ней, по-осеннему нежной,
В дом мой пришедшей весной,

С той, что возникла так странно
И незаметно уйдёт
В самый тот миг, как настанет
Женщины Зимней черёд.

До и после

Нет, ничего не изменилось:
Из рек не вытекла вода,
И снятся те же, что и снились,
Деревья, люди, города.

Земля не вертится быстрее,
Прядёт судьба всё ту же нить,
Никто не стал меня сильнее
Ни ненавидеть, ни любить,

И море то же, горы те же,
И небеса над головой,
И тучи так же – только реже –
Ночами в дом втекают мой.

Всё те же беды и печали,
И невозможно далека,
Намного дальше, чем вначале,
Моя заветная строка.

* * *

По новым нотам пели птицы,
И в такт гудели провода:
– Сегодня что-нибудь случится,
Сегодня или никогда!

Росток пробьётся, цепь порвётся
Недужных, выморочных дней,
Сегодня что-нибудь начнётся
В судьбе моей – в судьбе твоей.

Не то что б мне виденье было,
Не то что б был мне подан знак –
Ну, просто в сердце что-то ныло,
Что и назвать нельзя никак,

И кровь быстрее текла по венам,
И пульс выстукивал: – О, да!
Случится что-то непременно –
Сегодня или никогда.

Сегодня! И ни на день позже,
Ни через два, ни через пять,
День длится, он ещё не прожит,
Он слишком молод, чтоб устать.

Ещё чуть-чуть, мгновенье, малость,
И больше ждали, что с того?..
Но ничего не начиналось
И не случилось ничего.

На Всепланетном карнавале
Дней проносилась череда,
«Сегодня» гасли, умирали
И становились «никогда».

* * *

Дорога, не скажу куда...
Анна Ахматова

На небе (не скажу, каком) –
Не тьма, не вечный лёд:
У нас с тобой там сад и дом,
И даже огород.

За домом – так, как ты хотел, –
Сосновый лес, река.
В чреде простых, но важных дел
Сменяются века.

На кухне много лет подряд
Готовится обед,
Растут морковь и виноград,
И золотой ранет.

Хозяйство – шутка ли сказать!
Забот невпроворот:
И сад полить, и дом прибрать,
Впридачу огород.

Речным повеет холодком,
В саду вздохнёт сирень.
На небе (не скажу, каком)
К концу подходит день.

Журавль над крышей пролетит
Иль тень от журавля...
– Что там за звёздочка блестит?
– Да, кажется, Земля...

Ночные травы зашумят,
И вскоре всё уснёт:
мы сами,
после
– дом и сад,
а там и
огород...

* * *

Вот кончится война,
И всё пойдёт иначе:
Я тихим утром встану
И к морю побегу,
И отыщу слова,
И, наконец, заплачу,
А нынче ни искать,
Ни плакать не могу.

Вот кончится война –
Уже осталось мало,
Другою станет жизнь,
Другими – я и ты.
Мы всё перенесём,
Мы всё начнём сначала,
И будет свет в окне,
И на столе листы.

Вот кончится война,
И – поздно или рано –
Мы соберёмся, вспомним,
А после – помолчим.
Да только то беда,
Что в мире этом странном
Мир от войны порой
Не слишком отличим.

Вот кончится война,
Все битвы и сраженья,
Как долгая болезнь,
Как тяжкий мутный бред.
Вот кончится война –
Немножечко терпенья! –
Та самая война,
Конца которой нет...

* * *

Война была не где-то – рядом,
Как зверь, металась за окном.
Она казалась – нет, не адом:
Бездарным фильмом, тяжким сном.

Война кончаться не хотела.
Она глумилась и лгала,
Слова крошились то и дело
И липли к пальцам, как смола.

Война ни с чем не рифмовалась,
Пугала вечной немотой,
Строка рвалась и сердце рвалось
В сей год две тысячи шестой.

И даже если мы забудем
Те боль и стыд, те явь и сны,
Мы всё равно уже не будем,
Какими были до войны.

* * *

Сквозь марево злой ханаанской жары
На ослике белом, как снег,
По южному склону Масличной горы
В наш город спешит человек.

Ни Храма, ни мира, ни братской любви
Нет в городе этом давно...
Хоть плачь, хоть кричи, умоляй и зови, –
Не слышит никто всё равно.

Колелеблется слабое пламя свечи,
Закатом кровит небосвод,
Не знает никто, где хранятся ключи
От древних восточных ворот.*

И всё же три тысячи адовых лет,
Три тысячи лет напролёт
Мы вечером шепчем: «Сегодня уж нет,
Но завтра Он точно придёт!».

А после нам снится (какой только век!):
В дрожащих расплывах жары
Он едет на ослике белом, как снег,
По склону Масличной горы.

---

* Согласно еврейской традиции, через восточные ворота (называемыми также воротами Милосердия или Золотыми воротами) в Иерусалим войдёт Мессия.

* * *

Я здесь была давным-давно.
Я раньше видела всё это:
Стол у окна, само окно
С полоской льющегося света.

Я ошибиться не могла –
Цвета, оттенки, блики, тени...
Я в этой комнате жила
Ещё задолго до рожденья,

Тому назад столетий шесть,
А, может, более – не важно.
Кем я была тогда? Бог весть,
Но я была уже однажды.

Здесь всё не тайна для меня,
Здесь всё знакомо до испуга.
О, эти стены мне родня!
Мы столько знаем друг про друга!

Мои ладони помнят их
Слегка шершавую прохладу.
Был вечер, так же свеж и тих...
Мне страшно, Господи, не надо!

Сгинь, наважденье, отпусти!
Давно сгоревшие закаты
Зачем мне помнить и нести
Груз жизни, прожитой когда-то?!

Что ж, не решиться ль на побег?
Сейчас я выйду... дверь закрою...
А здесь – останется навек
Та, что была когда-то мною.

* * *

Вадиму Бройде

Судьба то свет прольёт, то мрак,
То вдруг, сама устав от порки,
Поставит круглые пятёрки
За ни за что, за просто так.

Что это значит? Ничего.
Да просто всё идёт, как надо,
Да просто скромная награда
Нашла героя своего.

О, как он вечно жить спешил!
Как вечно в кровь сбивал коленки!
И эти высшие оценки
Он несомненно заслужил.

Что – потерялось, что – нашлось...
Ещё не время для подсчётов,
Ещё любить, ещё работать,
Ещё всё только началось.

* * *

В твою сентябрьскую грусть
И в тихий снегопад
Я, может быть, ещё вернусь,
Задумчивый мой Град,
Где Влтавы сонная вода
Впадает в небосвод,
Где доктор Фауст жил всегда
(И до сих пор живёт),
Где вопреки законам всем
На Ратуше подряд
Столетий шесть, а, может, семь
Часы идут назад,
Где рыцарь столько же веков
Ждёт смену на посту,
Где звук марининых шагов
На Карловом мосту
И где трамвайчик без труда –
За несколько монет –
Везёт желающих туда,
Куда возврата нет.

* * *

Срок придёт – тишина оживёт:
Пенье скрипки, дыханье гобоя...
В этой музыке что-то такое,
Что уставшим надежду вернёт,

Даст два лёгких и сильных крыла,
Чтоб взлететь, утолит все печали...
Может быть, было слово вначале,
Но, мне кажется, нота была.

Всё однажды с неё началось,
Прозвучавшей когда-то и где-то,
Тотчас мрак отделён был от света,
Дождь пролился и солнце зажглось.

И не словом, а нотой был Бог,
Сочинивший и ветер, и реку,
Землю, небо, траву, человека,
Чтоб услышал и выразить смог

Долгий век и мгновенье одно,
Плеск волны о неведомый берег,
Смех и плач всех Европ и Америк,
Голоса всех ушедших давно.

«Пепел – плотью и лесом – зола
Станут вновь!» – пели скрипки в финале...
Может быть, было слово вначале,
А я верую – нота была.

* * *

Душа спала и не мешала,
И можно было дальше жить,
А тело... Тело продолжало
Из ночи в день себя тащить.

Душа, дышавшая чуть слышно,
Спала глубоким, долгим сном –
Так тихо, что, казалось, вышла,
Покинув тело, словно дом.

Она спала без сновидений,
Ну, разве только иногда
Мерцали блики,плыли тени,
Струилась тёмная вода.

И в эти сны не проникали
Ни плач, ни звуки голосов,
Ни крик, ни стон, ни скрежет стали,
Ни шорох трав, ни бой часов...

Но снег сойдёт, и лёд растает,
Планета свой замедлит бег,
И, встрепенувшись, зарыдает
Душа, проспавшая весь век,

И над домами, над полями
Однажды утром, по весне
Она взлетит, взмахнув крылами,
Слегка примятыми во сне.

Переезд

1.

Который раз за жизнь, опять
Всё рушится... Ну, что же,
Не надо было прирастать
Так намертво, всей кожей,

Не надо было дом любить,
Как любят человека...
О, как же трудно уходить,
Когда уход – навеки!

А сможет ли понять другой,
Случайный, посторонний,
Что дом не каменный – живой,
Что он одушевлённый?

И как чужому объяснить,
Когда и свой не верит,
Что дом живой, а, стало быть, –
Не только пол и двери,

Не просто стены, потолок
Под черепичной крышей:
Он утешать, он плакать мог,
Всё чувствовал и слышал,

Не раз от бед меня спасал,
Водил моей рукою,
Болел, грустил и ликовал,
И мучился строкою...

Но пробил час, разомкнут круг,
И день тот горький скоро,
Когда покинутый мной друг
Посмотрит вслед с укором.

2.

Последние минуты. Стою у косяка.
От перемены слова изменится строка,
Её предназначенье, и смысл её, и строй,
От перемены места – вся жизнь, и мы с тобой.

Поставим стол и стулья и привыкать начнём
К другому освещенью, к пейзажу за окном,
К другим цветам и звукам, к дыханью новых стен.
И радость ты и мука, эпоха перемен!

О, смена декораций решает всё порой:
Другими станут пьеса, и зритель, и герой,
Развитие событий, сюжет, порядок сцен,
Финал – и тот зависит от перемены стен.

И мы уже не сможем играть, как до сих пор –
Он всё переиначил, наш Главный Режиссёр!
Последние секунды... Что ж, время уходить:
И незачем, и трудно прощанье с прошлым длить.

Прощай, наш дом любимый, и здравствуй, новый дом!
Повесим занавески и привыкать начнём.
Актёры, улыбайтесь, поглубже спрячьте боль –
Король сегодня умер. Да здравствует король!

3.

Нет-нет, тебе не показалось:
Я вроде здесь... и вроде нет...
Душа моя – она осталась,
Она на улице Шакед*.

Был перевезен скарб домашний,
Картины, книги, три узла,
Сны, тени, день позавчерашний,
А малость – душу – не смогла.

Я убеждала, я просила
Её последовать за мной,
Я применить хотела силу,
Клялась, ручалась головой,

Что ей и там не будет плохо
И что должна ж она понять:
Мне без неё, шальной дурёхи,
Ни жить, ни петь и ни писать,

Твердила, пряча взгляд печальный,
Что не сошёлся клином свет
На совершенно не миндальной,
Обычной улице Шакед.

Но с ней, упрямой, нету сладу,
Всё норовит наоборот!
И я рукой махнула: – Ладно!
Когда намается – придёт!

...Ночь. Звёзды. Спит многоэтажка,
А я всё думаю о ней,
О бедной маленькой бродяжке,
О неприкаянной моей,

О том, что всё не прекратится
Бездомья мутный, долгий бред...
Потом усну, и будут сниться
Деревья с улицы Шакед.

---

* Шакед (иврит) – миндаль

4.

Плывёт в тугой звенящей мгле
Корабль наш многоэтажный.
Мы привыкаем – вот что важно! –
Что к небу ближе, чем к земле,

Мы привыкаем к высоте,
К тому, что мы от тел небесных,
И неизвестных, и известных,
В какой-нибудь полуверсте,

К тому, что рядом Млечный Путь,
К тому, что это так несложно –
Открыть окно и осторожно
В пространство звёздное шагнуть,

И, раздвигая темноту,
Бродить, покуда сил достанет,
Покуда снова не потянет
К тем, кто остался на борту, –

К телам вполне, вполне земным,
Под утро спящим беспробудно,
К земным делам, простым и трудным,
Прекрасным, будничным, дневным...

* * *

Уплыли клочья темноты,
И тотчас, сразу
Зажглись бумажные цветы
В стеклянной вазе,

Просвечен каждый лепесток
Лучом скользящим,
И каждый убеждал, как мог:
– Я – настоящий!

Всё ярче становился день,
А солнце – злее.
Была бумажная сирень
Живой живее:

Та – невозможно далека,
За снегопадом,
А к этой – тянется рука,
А эта – рядом.

Лишь горло ноет и болит,
Обжёгшись фразой:
«Сирень бумажная горит
В стеклянной вазе».

Какой сиреневой тоской
Душа омыта!
Как будто светом той, другой,
Почти забытой...

* * *

Поросший былъём день вчерашний
Окажется нынешним днём.
Мы – дети той дьявольской башни –
От рек вавилонских идём.

Всё ходим и ходим по кругу,
Неся свою вечную кладь,
И вроде бы слышим друг друга,
Да только не можем понять.

Вздуваются жилы под кожей,
Срывается голос на крик,
Но каждому дан непохожий,
Другим непонятный язык.

Нам в лица глядит день грядущий,
За спинами – тыщи дорог,
Но рядом со мною идущий
Всё так же, как я, одинок.

О, мука изысканной пытки,
Что горше всех прочих невзгод,
О, тщетность последней попытки
Того отыскать, кто поймёт,

Того, не по крови родного,
В каком ни на есть далеке,
Кто скажет хоть слово, хоть слово
Со мной на одном языке.

* * *

В какой-нибудь Точке Омега,
Смертельно от смерти устав,
Пробившись сквозь залежи снега,
Сквозь корни деревьев и трав,

Сквозь стон пролетевших столетий,
Сквозь вихрь промелькнувших времён,
Мы снова возникнем на свете,
Похожем на сбывшийся сон.

Прорвавшись сквозь замкнутость круга,
Мы сразу друг друга найдём,
И сразу узнаем друг друга,
И заново жизнь проживём

Под будущим небом, огромным,
Ещё не оглохшем от битв,
И всё обязательно вспомним –
И песен слова, и молитв,

Увидим любимые лица
Потерянных нами во мгле,
Опять зацветёт медуница
На новой прекрасной земле,

Пойдут молодые побеги,
И будут дожди ворожить
В неведомой Точке Омега,
В которой нам выпадет жить!

* * *

Мой странный, досель неразгаданный сон:
Везёт меня в прошлое красный вагон,
И время повёрнуто временно вспять
Туда, где всё можно сначала начать,
Где ветер колышет всё ту же траву,
Где так, как не будет уже наяву,
Где та же горит молодая звезда,
Все живы и будут живыми всегда,
И выйдут все вместе на шумный перрон,
И будут высматривать красный вагон,
И что-то кричать и навстречу бежать...
Что мне это снится, – откуда им знать?!
Я тоже кричу, и смеюсь, и бегу,
Я только приблизиться к ним не могу,
Никак не могу – ни на шаг, ни на пядь,
И мне никогда, никогда не обнять
Бегущих ко мне через людной перрон,
Ко мне – через жизнь, через смерть, через сон!
И длится, и длится мучительный бег.
На миг разминулись, а вышло – навек...
Всё чаще и чаще мне снится оно,
Весёлое, жуткое это кино:
По гулким сквозным лабиринтам времён
Проносится с грохотом красный вагон...

* * *

Я останусь, я буду повсюду:
В этих соснах и в этом песке,
Там, где людно, и там, где безлюдно,
В кучевых облаках и в реке,

В городах, небольших и великих,
В их соборах и арках мостов,
В тёплых солнечных пятнах и бликах
На брусчатке и крышах домов.

Я останусь в моих долгожданных,
Милосердных осенних дождях,
В разноцветных, летучих и странных,
Вам пока не приснившихся снах,

В зеркалах, колдовских и манящих,
Отражающих вечность и миг,
В зачарованной сказочной чаще,
Где в серебряных травах родник,

Фотографией в чьём-то альбоме,
Гулким эхом в далёких горах,
Лёгкой тенью в покинутом доме,
На пустынных его этажах,

В пеньи птиц, в предрассветном тумане,
В каждом слове моих сыновей,
Я останусь – не сгину, не кану! –
Тонкой книжкой на полке твоей.

Черешневый сад

* * *

У майских у райских некрашенных врат
Мне выдан был пропуск в черешневый сад –
Клочок разноцветный, счастливый билет
На право увидеть черешневый свет,
Услышать, как дует румяный божок
В серебряный маленький звонкий рожок.
Ах, бог мой в короне из листьев и трав!
Твой взгляд безмятежен и весел твой нрав,
Смеёшься беспечно и дуешь в дуду,
Седое дитя в своём вечном саду.
А взрослых здесь нет, не для них этот сад,
Все взрослые там, по ту сторону врат –
Там в ворохе будней и пыльных газет
Не помнит никто про черешневый свет,
Про звонкий рожок и что есть благодать,
Качаясь на цыпочках, ягоды рвать,
Что есть в череде январей месяц май,
В аду – уцелевший нечаянно рай,
В огромной Вселенной – один уголок,
Где жив ещё добрый черешневый бог.

* * *

В апреле всё нельзя... и всё возможно:
Из поражения – сотворить успех,
Из будней – праздник, и неосторожно
Любить того, о ком и думать грех.
И всё ж – любить. Не потому, что снова
Цветёт гранат, сильна или слаба,
А потому, что не дано иного,
А потому, что – фатум, рок, судьба.
А коли так – не слушать вечно правых,
Бежать, лететь, куда глаза глядят,
И в нарушение птичьего устава
Пропеть не три, а десять «о» подряд.
Так пой, лети, люби – весна всё спишет!
Гляди, какое действие на дворе!
И не стучи так, сердце, тише, тише,
Не вспоминай, душа, о декабре.

* * *

Пылают все стороны света.
Беда, наважденье, напасть.
В период правления Лета
Как вынести жаркую власть?

Зачем, повелитель жестокий,
В твоём ненасытном огне
Сгорают все лучшие строки,
Что ночью являются мне?

Рождались чуть слышные, крепи,
Как птицы, слетались к руке,
Чтоб утром стать горсточкой пепла
В зажатом моём кулаке.

На выцветшем небе – ни тучки...
И жаль то ли птиц, то ли строк,
Чей пепел, холодный, летучий,
Насквозь мне ладони прожёт.

* * *

Никогда не просила.
Никого. Ничего.
Защити, о, светило,
От себя самого,

От лавины обвальной
Смерть несущих лучей,
Защити от летальной
От любви своей,

Что сверкает так ярко,
Да сжигает дотла.
Стало сердце огарком,
Вместо крыльев – зола,

То, что было душою, –
Нынче боль и ожог.
Что ты сделал со мною,
Злой языческий бог?

В кровь ободраны локти,
Лижет пламя ступни.
Если правда, что бог ты,
Эту казнь отмени!

День за днём где взять силы
Восходить на костёр?
Пощади, сделай милость,
Отмени приговор!

О, как жарко ты дышишь!
Только всё ж – не губи.
Не люби меня, слышишь?
Не люби, не люби...

* * *

В сиянии бледном знамёна рассвета,
Штандарты заката – омыты в крови.
Ещё одно долгое, трудное лето,
Ещё один прожитый день без любви,

Ещё одна сыграна грустная пьеса,
Ещё один крик утонул в тишине,
Ещё один шаг в никуда, в неизвестность,
Название которой неведомо мне.

* * *

Елене Текс

Пускай Вам сегодня приснится
Притихший октябрьский лес
И странная белая птица
В прозрачных просторах небес,

А утром пускай Вас разбудит
Негромкая песня дождей,
Пусть сложат усталые люди
Стихи для усталых людей –

О птицах в дали предзакатной,
Дожде, что всю ночь моросил,
Покуда секунды куда-то
Бегут, выбиваясь из сил.

* * *

Кто отнял осень у меня,
Мою печальную свободу,
Так просто, среди бела дня,
Богам неведомым в угоду?

Где ветер, дующий в гобой?
Лиловых туч тугие свитки?
Тревожный шёпот меж собой
Деревьев, вымокших до нитки?

Где дождь, что мною был воспет
На все лады? Неужто мало?
А виноватых нет как нет,
Нет никого – как не бывало,

Нет ничего (и в этом суть!) –
Ни гор, ни моря нет, ни сосен,
А также способа вернуть
Мою украденную осень...

* * *

Ноябрь. Вселенная. Задворки.
Канун космической зимы.
Как будто раковины створки
Сомкнулись. В раковине – мы.

Мы словно в коконе огромном,
Спелёнутые темнотой,
Так одиноки, так бездомны
Меж этой вечностью и той.

Во мгле мерцают наши лица,
Мелькают тени ног и рук.
О, сколько это будет длиться –
Зима без солнца и без вьюг,

Зима без права на надежду,
Зима без права на весну?
Не помирать же здесь – в бесснежном,
Бессрочном каменном плену!

Не разомкнуть тугие створки...
Эй, кто-нибудь! Мы здесь, внутри!..
Зима. Вселенная. Задворки.
Дома. Аптеки. Фонари.

* * *

Смотрю в календарь то и дело
А там январь, январь...
Замёрзла и больше не пела
Весёлая птица внутри.

Никак не окончится стужа,
Никак не рассеется муть.
Мне нового счастья не нужно,
А прежнее разве вернуть?

Возможно ль, чтоб ставшее прахом
Из праха сумело восстать?
Чтоб ту, полумёртвую птаху
Спасти, отогреть, отдышать?

* * *

Печалются озябшие дома,
И птичий крик – тревожный и тоскливый.
Минувшая унылая зима
Зимой этой кажется счастливой.

Уходят дни под музыку дождей
Неслышным шагом, неостановимо
За тридцать девять неведомых морей
И столько же пустынь необозримых.

Лилово-серым выкрашена даль,
А на плечах – предчувствий груз тяжёлый...
О, как же я страшусь, что сей февраль
Мне через год покажется весёлым.

* * *

Шёл снег над затихшим ковчегом,
Ковчег заметая по грудь.
«Зима» рифмовалась со «снегом»,
Что было не странно ничуть,

А «снег» рифмовался с «надеждой»,
С привычными к солнцу людьми,
Со всем, что у них было прежде,
И тем, что ещё впереди.

Как будто бы кто-то движеньем
Прекрасных невидимых крыл
Все правила стихосложенья,
Пока снегопад, отменил,

Снял лёгким касаньем оковы
Затверженных издавна схем,
И всё стало белым и новым,
И всё рифмовалось со всем:

Вопрос рифмовался с ответом,
«Дорога» со словом «забудь»...
Шёл снег над уснувшей планетой,
Весь мир заметая по грудь,

Летел на моё изголовье,
Но было щеке горячо,
И «жизнь» рифмовалась с «любовью».
И только... А с чем же ещё?

* * *

Когда устанешь править помелом,
Когда дремать наскучит в бизнесклассе,
Летай, как я, – за кухонным столом.
Да будет стол – да, стол! – твоим Пегасом!

Пусть сей Пегас обшарпан и нелеп,
Но как горяч, как землю бьёт копытом!
В сторонку сдвинь тарелки, чашки, хлеб...
И нет тебя – ты в космосе открытом.

А легкокрылый деревянный конь
Летит свободно и без напряженья
На дальний свет, на жарких звёзд огонь,
Презрев закон земного тяготенья.

Так пей взахлёб галактик молоко,
Гляди бесстрашно в чёрных дыр глазницы,
Забудь, что значит «близко», «далеко»,
Что предстоит когда-нибудь разбиться...

Когда-нибудь... Полёты у стола
Всем хороши: ни компаса, ни карты.
Грустны в последних числах февраля,
Но так волшебны в первых числах марта.

* * *

Гляжу в окно: знакомо всё и ново –
Вот луг, вот птицы, дальняя гора.
Вы здесь, друзья! О, это ли не повод,
Чтоб быть счастливой с самого утра?

И это счастье, благодарность эту
На фоне ускользающей зимы
Душа хранит так бережно – с рассвета
До сумерек, до вечера, до тьмы.

А завтра снова: птицы над горою,
И облака, как белые ладьи...
Чего ж не жить, пока они со мною?
Чего бояться? Вечность впереди.

Зима-2009

Какая странная зима
явилась в наши палестины!
Не потому что холодней
или теплее зим иных –
какой-то странный жаркий снег
валил на головы и спины,
и раскалённый странный дождь
лил на чужих и на своих.

О, эта трудная зима!
Её вопросам и загадкам,
её снегам, её дождям
и не предвиделось конца.
Не прорастало ничего
от этих гибельных осадков,
летевших с гибельных небес
на обнажённые сердца.

Не прорастало ничего...
Да я ли это написала?
Так не бывает никогда!
За эпилогом – вновь пролог.
Наисмертельнейший исход –
всегда чего-нибудь начало.
Пробьёт обугленную твердь
упрямый тоненький росток.

Не уставай, тянись, малыш!
Когда не ты, что будет с нами?
Где взять нам силы не пропасть
в чреде песчаных бурь и стуж?
Пусть развеивается твоё
живое крохотное знамя,
надежды маленький флажок
над пепелищем наших душ.

На границе сна и яви

* * *

На границе сна и яви
Пламя тонкий лёд расплавит,
На границе сна и яви –
Двух Вселенных, двух стихий –
Я ни там, ни здесь, а где-то,
Где всё сказано и спето,
И получены ответы,
И написаны стихи.

На границе сна и яви
Не песок, не пыль, не гравий,
На границе сна и яви,
На ничейной полосе –
Водопады, бездны, кручи,
Синий снег и дым летучий,
Жаркий шёпот звёзд падучих
И усни-трава в росе.

На границе сна и яви –
Перевозе, переправе –
На границе сна и яви
Плещет тёмная вода.
Там звучат такие строки,
Там, у этих вод глубоких,
Встретишь близких и далёких,
И уснувших навсегда.

На границе сна и яви
Кто следы свои оставил?
На границе сна и яви –
Только ступишь на межу –
Каждый миг вершится чудо.
Не забыть бы! Но – забуду,
И когда вернусь оттуда,
Ничего не расскажу.

Зеркала

1.

Над ним склонюсь и подышу,
Рукой касаясь осторожно:
– Солги мне, зеркало, прошу,
Солги, пока ещё возможно.

Колдуй, меняйся, ворожи!
Я подожду – я терпелива.
О, в этом мире столько лжи!
Зачем же ты одно правдиво?

Зачем так точно подмечать
Мои бесщётные потери?
Солги! – прошу его опять, –
Но так, чтоб я могла поверить...

Теперь нас двое: здесь и там.
В волшебной глубине дрожащей –
Не призрак и не пустота,
А та, что стала настоящей.

Мы будем медленно стареть,
А вместе с нами – вещи, стены,
Она – с улыбкою глядеть
И оставаться неизменной.

И будет литься свет из глаз
На наши меркнущие лица,
Покуда не настанет час
Исчезнуть – мне, а ей – разбиться...

2.

Зеркал таинственная жизнь
Пугала, мучала, дразнила...
О, свет мой, зеркальце, скажи,
Откуда эти свет и сила?

Чему, а, может быть, кому
Угодно это притяженье?
В непрочном, бьющемся дому –
Игра чьего воображенья?

Кто та, что смотрит на меня, –
С моим лицом, одеждой, телом?
Она мне вовсе не родня,
А ближе нет на свете белом.

Кто б ни была ты, – призрак, тень,
Мы так давно с тобой знакомы!
И день и ночь, и ночь и день
Мы рядом дома и не дома.

Прочна невидимая связь,
Незримых нитей натяженье
Не разорвать. О, что за власть
Берёт над нами отраженье!

Знать, оттого когда-нибудь,
Когда настанет час прощальный,
Меня проводит в дальний путь
Знакомый взгляд из Зазеркалья.

* * *

*Под мостом Мирабо исчезает вода...
Гийом Аполлинер*

Под мостом Мирабо исчезает вода,
Под мостом Мирабо не бывать никогда
Никому – ни ему, ни тебе и ни мне:
К тем мостам, к тем местам приплывают во сне.
Не бывать ни за что – ни сейчас, ни потом.
Может быть, этот мост ты придумал, Гийом?
Как сквозь пальцы песок, меж ладоней – вода...
Этот мост Мирабо – наважденье, беда.
Что – смещение пластов? Потрясение основ?
Так... мираж, пустота, сочетание двух слов.
Проще было б достать до сверкающих звёзд!
До зари! До Луны! Дался мне этот мост!
Ни его, ни реки на земле вовсе нет,
И столетье назад их придумал поэт.
Сколько в жизни своей я видала мостов,
Много лучше того, из растаявших снов.
Так зачем столько лет так стремлюсь я туда,
Где, как жизнь, как любовь исчезает вода?

* * *

Гадалка нагадает,
Колдунья наколдует...
Без слов она узнает,
О чём душа тоскует,
Откуда дует ветер,
Несущий в дом напасть,
И кто расставил сети,
В которых нам пропасть.

Колдунья наколдует,
Гадалка нагадает...
Всю жизнь нам растолкует,
Покуда свечка тает,
Всю правду нам расскажет
О жизни и судьбе
И что не знали даже
Мы сами о себе.

Ах, что мы натворили!
Ах, как мы были слепы!
И жили, и любили
Нескладно и нелепо,
Без плана и расчёта,
И раньше, и сейчас.
А где-то шла работа
Недобрых чёрных глаз.

Но мы в руках надёжных –
Колдунья знает средство,
Как нас, неосторожных,
Спасти от всяких бедствий,
Как невозможно жалко,
Что мы, бредя сквозь мрак,
Не верили гадалкам
И жили кое-как.

Воск плавится и льётся,
И очень может статья,
Гадалка разберётся,
В чём нам не разобраться.
И вдруг на счёт «тринадцать»
Земная дрогнет ось,
И то начнёт сбываться,
Что прежде не сбылось.

* * *

День завершит свои труды,
И снизойдёт на город вечер,
И вновь предчувствие беды
Положит руки мне на плечи.

Сей гость приходит в поздний час
Всегда незванно, самовольно,
И каждый раз, и каждый раз
Мне от его объятий больно.

– О чём ты хочешь сообщить?
Ошибся дверью, может статься?
Надежды слабенькая нить
Имеет свойство быстро рваться,

И мне не выскользнуть никак
Из цепких рук, из рук железных.
Не знаю, друг ты или враг, –
Уйди, рассыпья, сгинь, исчезни!

Твой шёпот тих, твой лик – незрим,
Ты не уйдёшь, и в этом мука.
Куда как легче жить другим,
В чей дом нельзя войти без стука.

Но если гость уже в дому,
Проник сквозь замкнутые двери,
Куда как проще жить тому,
Кто шепотку его не верит.

Ты не уйдёшь... За горстью горсть
Швыряет звёзды в небо вечер,
И кто из нас двоих здесь гость, –
Уже сама я не отвечу.

* * *

Гляжу на руки пристально, нахмурено лицо.
Висит на пальце ниточка, на ниточке – кольцо.
О, как же труден мой вопрос, о, как же прост ответ!
Вперёд качнётся – значит, «да», назад качнётся – «нет».
Колечко золочёное, как солнышко, блестит –
То жизнь моя на тоненькой на ниточке висит,
А ниточка – на пальчике, а пальчик так дрожал,
Видать, некрепко жизнь мою за ниточку держал.
Ворвался ветер в комнату, разворошил листы,
Гляжу на руки пристально, а руки-то пусты!
Звеня, колечко катится, дарёное тобой...
Опасное занятие – беседовать с судьбой,
Загадки ей загадывать, над пропастью скользя,
Но всё-таки! – как хочется знать то, чего нельзя,
Но всё-таки! – как хочется украдкой, как-нибудь
За край, за грань, за линию хоть раз, да заглянуть.

* * *

Когда темно ещё в окне,
В тот час, когда и птицам рано,
Зачем, дитя, ты снишься мне,
Откуда ты, пришелец странный?

Ночь без начала и конца,
Туннель без света, шифр без кода...
Мой бред – ребёнок без лица
В который раз ко мне приходит,

Снов нарушая благодать.
Но он, кто, верно, послан свыше,
Мне что-то должен рассказать
И мною должен быть услышан.

Малыш по-зимнему одет:
Ботинки, шарф... Но взгляду дико.
О, ничего страшнее нет,
Чем эта малость и безликость!

Сомкнутся сон и явь кольцом.
Забудь, коль сможешь, всё, что снилось!
А мне как быть? С каким лицом,
Как дальше жить, скажи на милость?!

В снегах ли стыть, гореть в огне,
Готовить сердце к новым ранам?
Зачем, зачем ты снился мне,
Мой бедный, маленький, незванный?

* * *

По стенам тени поплывут,
Уснёт огонь в камине,
И ненадолго оживут
Гравюры и картины.

Давно не веришь в чудеса?
О, погоди смеяться!
Ты в этом убедишься сам,
Едва пробьёт двенадцать.

Смотри-ка, лошади несут
Карету с юной дамой.
Ей вслед глядит с балкона шут
С печальными глазами.

Сейчас он ей помашет вслед...
Меж тем на свете этом
Нет ни его две сотни лет,
Ни той, что мчит в карете.

А вот судёнышко плывёт,
Гроза, всё небо в тучах.
Ничто кораблик не спасёт
От смерти неминучей.

Пойдём скорей отсюда прочь!
Нет мочи крики слушать.
Несчастливым сим нельзя помочь.
Прими, Господь, их души.

А здесь сюжет совсем иной:
Рассвет. Дорога. Двое.
Вглядись в их лица, милый мой,
Ведь это мы с тобою...

Давай немного подождём:
Уснёт огонь в камне,
Затихнет в полночь старый дом,
И оживут картины –

И натюрморты оживут,
И люди, и пейзажи.
Тут – горько плачут, там – поют,
Грохочут экипажи,

И конский храп, и снег летит,
И на паркет ложится...
И пусть никто не говорит,
Что это только снится.

* * *

Сегодня станут слышны
чужие мысли...
Из астрологического прогноза

Уснули птицы и свирели.
Вдруг – ни с того и ни с сего –
Чужие мысли пролетели,
Лица касаясь моего.

Да мало ль мне своей печали,
Своей тревоги и без вас?!
Чужие мысли пролетали
Совсем нагие, без прикрас,

Вонзались в душу, словно жала,
И жгли, как щупальца медуз.
«О, замолчите! – я кричала, –
Мне слишком тяжек этот груз!

Что я могу? Спасти? Исправить?
Кого утешить? Чем помочь?
Зачем же горькую отраву
В меня вливает эта ночь?!»

Чужие мысли, словно тени
Сырых туманов, серых сов,
И нет защиты, нет спасенья
От их – столь разных – голосов.

Крылами машут, тяжело дышат
Грехи чужие, боль, беда...
Не дай нам, Боже, это слышать
Ни днём, ни ночью – никогда.

* * *

С утра кружился над домами,
Над сонным морем и землёй
Орёл с широкими крылами
И бурой волчьей головой.

И тень его плыла по лицам
Людей, уставших от потерь.
Парила в небе звероптица
(Или, быть может, птицезверь?),

Столь непохожая на Грифа,
Не Гамаюн... Не Алконост...
Из чьих давно забытых мифов,
С каких навек угасших звёзд,

Откуда сей крылатый странник?
И для чего весь день кружил
Сей демон? Ангел? Сей посланник
Пока неведомых мне сил?

Я знаю: он ещё вернётся,
Утихнет боль, растает мгла,
Ещё ресниц моих коснётся
Тень от прекрасного крыла,

Услышу странное наречье...
Ведь неспроста в полночный час
Мне взгляд приснился человеческий
Его печальных серых глаз.

* * *

Дождём нальются туч лиловых гроздья,
Померкнет день, скользнув за окоём.
Из прошлого и будущего гости
Ко мне приходят в сумеречный дом.

Здесь быть не может главных и не главных.
Прославлен гость, безвестен – всё одно.
И я меж ними – равная средь равных,
В цепи великой малое звено.

Как бесконечны эти вереницы!
Кто позвонит и кто войдёт опять?
Открыты двери, рухнули границы,
Нет ничего, что стоит запирать.

Кто был, кто будет, – заходите смело!
Моё жильё сумеет всех вместить!
Не прервалась бы только, не истлела
Сердец и душ связующая нить.

Потомки, предки, взрослые и дети
(Огромен дом мой, хоть и очень мал)...
Вы здесь, со мной, на этом чудном свете,
Где никогда никто не умирал.

«Творю я чудо каждый день»

* * *

Как маленькие брошенные дети
В пустом и ветхом брошенном доме,
Живут ещё стихи на белом свете,
Ненужные нигде и никому.

Меж тем – живут.
А чем живут? – Б-г знает.
Нелепые, как в стужу мотыльки.
Вот-вот погибнут – и не погибают,
Неласковому веку вопреки.

А век – он полон боли до предела,
Он глух от криков, скрежета, звонков,
А век – он что?
Ему-то что за дело
До крохотных озябших мотыльков,

Летающих в февральской круговерти
И бьющихся в закрытое окно?
Он не заметит крохотной их смерти,
Он и к большой привык уже давно,

Давно приучен к танкам и ракетам,
К боям и бойням, к выстрелам в упор,
Но этой смертью, тихой, незаметной,
Он сам себе подпишет приговор.

И я кричу – гортанью, сердцем, кожей:
– Спасите нас, и грешных, и святых!
О, мотылёк, держи, покуда сможешь,
Наш грустный мир на крылышках своих!

* * *

Творю я чудо каждый день...
Генрих Гейне

Творю я чудо каждый день
Во сне и наяву:
Из ничего сотку сирень,
Калитку и траву,

В лиловых тучах небеса,
Заветное окно,
Моих любимых голоса,
Потерянных давно,

Прохладный дождь в июльский зной,
Костёр на берегу,
Над засыпающей Десной*
Закат и сад в снегу.

Мной тайный выучен язык,
Мне ведом некий знак,
Что превращает вечность в миг
И в свет – кромешный мрак,

Луч солнца – в нитку, глину – в сталь,
Соль – в сахар, сахар – в соль,
А в слово – радость и печаль,
И, если больно, – боль.

Трудней и проще чуда нет:
В слова переплавлять
Движенье, запах, звук и цвет,
К бумаге прикреплять

Полёт кукушки, грусть полей,
Звезду над шалашом
Волшебной палочкой моей –
Простым карандашом.

---

* Десна – река в Украине

* * *

Глаза откроешь утром и спросонок
Увидишь свет октябрьской зари,
И звук, как неродившийся ребёнок,
Толкнёт тихонько сердце изнутри.

Будь славен день, начавшийся так странно,
И этот свет, плывущий надо мной,
И этот звук, негаданный, нажданный,
Ещё неясный, слабый, но – живой!

* * *

Вот, наконец, дописана глава,
Которая так просто начиналась,
Так безрассудно тратились слова,
Что больше ни словечка не осталось.

Мой конь остановился на бегу,
Приблизившись к неведомому краю...
Что мне сказать и другу, и врагу?
Что мне сказать самой себе? Не знаю.

Направо ли, налево ли пойдёшь,
Разруха – справа, разоренье – слева,
Казна – пуста, в кармане – медный грош
У некогда столь щедрой королевы,

Ни голоса, ни звуки не слышны
В забытом Богом, обнищавшем царстве.
Что ж, потерплю – хватило б тишины:
И горького, и сладкого лекарства.

Сейчас она сокровищ всех нужней.
Я пью настойку медленно, глотками,
И слышу снова шёпот тополей,
И вижу в лужах небо с облаками.

Пусть я нема, но всё-таки жива –
И мучаюсь, и верую, и плачу,
И знаю, что вернутся вновь слова,
И вновь я раздарю их и растрочу.

* * *

Во сне искать потерянный мотив.
Проснуться. Встать. Насыпать птицам крошек,
И, день громоздкий на плечи взвалив,
Уже с утра устать от этой ноши.

Кому до песен в вечной мерзлоте?
На плахе будней? В тесноте колодца?
Зачем мотив, забытый в суете,
Всю жизнь искать и знать, что не найдётся?

Нелепо, неразумно... Что с того,
Что человек не равен горстке праха?
Он изменить не может ничего.
Но может петь. Пусть даже и на плахе.

* * *

Кому – приснилось, с кем – и вправду было...
А я пишу уже который год
О том, что прежде не происходило,
Да что скрывать! – и не произойдёт.

Легко писать о том, что невозможно:
От лампы – свет, раскрытая тетрадь,
И чем вокруг печальней и тревожней,
Тем веселей и проще сочинять.

И сразу всё становится иначе!
Стихает боль привычная в виске.
Я голову в песок, мой друг, не прячу –
Я просто строю замки на песке,

Прочнейшие из всех земных построек,
Надёжнее, чем самый крепкий дом.
И короли, и жители помоек
В них пребывают, равные во всём,

Шумят в них травы, протекают реки,
И населяют странное жильё
Нелепые, смешные человеки
И разное премудрое зверьё.

Сменяются эпохи на планете,
И каждая страшней, чем Страшный Суд,
Но кто-то должен строить замки эти,
Не то другие –точно!– упадут.

И всякий раз, когда идёт охота,
И, может быть, твоя прольётся кровь,
Ты должен знать, что есть на свете кто-то,
Кто даст тебе пристанище и кров.

Пристанище – непрочно и воздушно,
Но только там согреют и спасут,
Промоют раны, уврачают душу,
А если так, то не напрасен труд,

А если так, то было или снилось,
Не так уж важно –мелочи не в счёт!
Всё-всё, что в этой жизни не случилось, –
В какой-нибудь другой произойдёт...

* * *

Время Белого Листа,
Время Чистого Холста
Наступило, подступило...
Очевидно, неспроста

Всё не то и всё не так:
Холст мне враг и лист мне враг,
Холодны и беспощадны,
Хоть какой бы дали знак!

Но однажды треснет лёд,
Всё откуда-то придёт –
Из глубокого колодца,
Из подземных тёмных вод,

Из невидимых ключей,
Из серебряных ночей,
Из таинственных угодий
Детской памяти моей.

И прольются на листы
Да на чистые холсты
Звуки, линии и краски
Невозможной красоты.

Это будет, но потом –
В небесах плывущий дом,
И усталый серый город,
Омываемый дождём,

Вспыхнут розы на кустах,
Защебечет звонкий птах.
Ах, откуда что возьмётся
На листах да на холстах!

Встрепенётся сонный сад,
Холст мне брат и лист мне брат,
И родство меж нами станет
Только крепче во сто крат!..

А покуда бел и чист
Этот холст и этот лист,
Нет ни звёзд, ни трав, ни леса,
И не слышен птичий свист,

Нет ни знака, ни перста,
Тёмен дом, душа пуста...
Уж такое нынче время –
Время Чистого Листа.

* * *

Всего и было – горло и рука...
Б. Ахмадулина

Когда сожмут тисками будни,
А звёзды слишком далеко,
О, как же дышится мне трудно,
О, как мне пишется легко!

Разлад меж горлом и рукою,
Несовпадение, маета...
Что ж, за мгновения покоя
Всегда расплата – немота.

Тогда напрасен труд усердный,
Напрасно грифель искрошу,
Но жизнь мудра и милосердна:
Вновь задыхаюсь и пишу...

* * *

От этого слова – свет голубой,
а это, как кровь, горит,
От этого слова жарко зимой,
а от того знобит,
Это слово – ручной зверёк,
а это – ещё не приручено,
Это сначала гладит висок,
а после – сжигает и мучает,
У этого слова – острая грань,
а это – круглое, гладкое.
Это – лезвием режет гортань,
а это – как шоколадка,
Этим словом – подковы гнуть,
а это – молью трачено,
В этом слове – женская суть,
а это – по сути – мачо,
Это слово глотнёшь: вино,
у этого – вкус потери,
Этому слову не верю давно,
в это – боюсь поверить,
Это – истлело и стало золой,
а это – живей огня,
Это слово убито мной,
а этим убита я.

Песенка о карандаше

Летит по морю Бурь и Вьюг
Кораблик бедный наш.
Тот – в чудо верит, этот – в круг,
А я так – в карандаш.

Ломает мачту ураган,
Вода проникла в трюм,
Трещит обшивка, штурман пьян,
А капитан угрюм.

Во тьме не увидеть руки,
Бунтует экипаж,
А я – рассудку вопреки –
Держусь за карандаш.

И если я ещё жива,
То, верно, оттого,
Что, как за землю дерева,
Цеплялась за него.

– Ты выручал меня не раз,
Не требуя наград.
Спаси ж и в этот трудный час,
О, деревянный брат!

Но коль судьба мне утонуть,
Пропасть, истлеть на дне,
Что ж... Ты потом, когда-нибудь
Расскажешь обо мне.

Муза

Тот день начинался как надо,
Душа тишину берегла.
Я знала: она где-то рядом,
Я видела отсвет крыла,

Я слышала шелест хитона,
Кифары серебряный звон
Тихонечко лился с балкона,
Но пуст был холодный балкон.

Чудесных небесных явлений
Напрасно ждала я в тот день:
Казалась мне женскою тенью
От облака бледная тень.

Напрасно к дверям я бежала
На звук чьих-то лёгких шагов,
Напрасно искрился в бокалах
Напиток бессмертных богов.

Она прилетает всё реже...
Гляжу поверх стынувших крыш:
Сестра моя! Где же ты, где же?
К кому ты сегодня летишь?

В то утро во мне что-то пело,
И было легко, как во сне.
Так близко она пролетела!
Так жаль, что опять не ко мне...

* * *

Короли, королевы, герольды*,
Скоморохи, провидцы, шуты...
За душою – ни пенса, ни сольдо,
За спиной – полыхают мосты.

Ничего – ни сокровищ, ни тронов –
Нет в запасе для вас у судьбы,
Но незримо венчают короны
Королевские гордые лбы.

Кто призвал вас на трудное царство?
Поманил на неведомый брег?
Чьею волею яд и лекарство
Перемешаны были навек?

Ощетинился мир, и тревожней
На душе что ни день, что ни год,
Но горит ещё искорка Божья,
И волшебная флейта поёт,

И звезда благосклонной улыбкой
Обещает так много наград,
Что нельзя не отведать напитка,
Где смешались лекарство и яд,

Где слились, как в последнем объятии,
Невозможное счастье и боль...
Пью за вас, мои сёстры и братья!
За тебя, венценосная голь!

---

* В Лондоне ежегодно проводится международный поэтический конкурс, на котором победителям присваиваются почётные титулы: Король Поэтов, Вице-Король и Герольд.

* * *

Слова исчезли... Были – и пропали,
Ушли в песок, суглинок, чернозём.
Зерном, травой, лесом, полем стали,
Живой водою, камнем и огнём.

Слова исчезли, без вести пропали.
Нема гортань, кричит беззвучно рот...
В бою погибли, смертью храбрых пали,
А те, что уцелели, – те не в счёт.

А, может, на рассвете, утром рано
Они, как птицы, разом взмыли ввысь,
И стали ветром, радугой, туманом...
А новые – пока не родились.

Слова исчезли... В том-то всё и дело!
Ни объяснить, ни молвить, ни назвать...
С землёй смешались, в небо улетели,
И нет других, и неоткуда взять.

* * *

Притаился вечер в травах росных,
Засыпает тихая река,
А в моих сосудах кровеносных
День и ночь пульсируют века.

Тишина. Прохлада. Запах тины.
В золотом и красном небосвод...
Может, кровь неистовых раввинов
Мне никак покоя не даёт?

Может, я затем молчала прежде
Столько бесконечных лет и зим,
Чтоб сильней их вера и надежда
Зазвучали голосом моим,

Чтоб не порвалась вовек цепочка
Канторов*, поэтов и бродяг,
Мудрецов, наивных одиночек?..
Вдруг из тьмы, из вороха бумаг,

Из небытия, из дальней дали
Закричат, заплачут, запоют
Боли их, их вечные печали
И во мне стихами оживут –

В той, что так по-детски верит в слово
Города возводит на песке,
В женщине из рода Б'аль Шем Това,**
Пишущей на русском языке.

---

* Кантор – человек, ведущий богослужение в синагоге.

**Израэль бен Элизер Бааль Шем Тов (1698-1760)
– основатель и вдохновитель хасидизма в Восточной Европе.

* * *

Я пропадаю, я тону, меня теченьем подхватило,
О, если б к новым берегам! – меня относит в никуда.
Слепая мутная вода, должно быть, станет мне могилой,
И станет памятником мне слепая мутная вода.

Ну, что ж, развязке скоро быть, финал стремителен и страшен,
В беззвёздном небе надо мной плывёт безумная луна.
Так предначертано... Судьба...
А с ней не вступишь в рукопашный.
Какой ты воин, коль один, а уж тем более – одна?

О, сколь бесславлен сей конец среди тины, мусора, рыбёшек!
О, сколь беспомощен и слаб в пустыне вопиющей глас!..
Но милосердным Кем-то вновь
Был звук спасательный мне брошен –
Глядишь, и выстоит душа
В который раз,
В который раз.

* * *

Я это слово не искала,
Но вдруг услышу и пойму,
Как мне его не доставало,
Как тосковала по нему.
Прекрасны, хоть немного странны,
И лад, и звук его, и цвет.
В нём – лёгкий привкус иностранный,
И свет уплывших в Лету лет,
В нём – звон клинков и клич прощальный
В закат летящих журавлей,
И флейты всхлип, и гул вокзальный,
И шум весенних тополей,
И тихий шёпот унесённых
За ту, последнюю, между,
И тайный знак для посвящённых,
К которым – не принадлежу.

* * *

Кучевые облака
Над откинутой фрамугой.
Улетай и ты, строка,
Мы измучили друг друга.

Я прощу, и ты прости –
Те печали время стёрло.
Отпусти же, отпусти,
Не держи меня за горло.

Улетай, не прекословь,
Друг от друга мы устали,
Будет новая любовь,
Будут новые печали,

Покидай уютный плен,
Отвыкай от крошек хлебных,
От меня, от этих стен,
Привыкай скорее к небу,

Ну, пора, счастливый путь!
Слышишь, марш звучит походный?
Я забуду, ты забудь.
Слава Богу, мы свободны!

* * *

Как дальше жить? Как прежде, как живу:
Везде и всюду ставить знак вопроса,
Во сне – летать, сны видеть – наяву.
Чего ж не жить? Тем более, что осень
Явилась и вернула мне права
Соединять, как судьбы, части речи,
На тонкий луч нанизывать слова,
Забыв о том, что надо б побережся,
Зажечь свечу, вблизи её огня
Вдруг осознать, что всё живёт и дышит,
И всё кричит: «Услышь, услышь меня!
Когда не ты, то кто меня услышит?
Когда не ты, то кто меня спасёт
От темноты и холода забвенья?
Когда не ты, то кто из года в год
Овладевал приёмами спасенья?»
О, бедный дом мой, книга, стол, тетрадь!
Конечно же, я слышу вас, поверьте,
Но надо всех по имени назвать,
И этим самым убережечь от смерти!
Как важно – никого не упустить,
Не уступить ни пяди в битве этой
Меж немотой и словом, между быть
Или не быть всему, что есть на свете.
О, только б сил хватило – не устать,
Не оробеть в жестокой этой схватке!
Прощайте! Мне сегодня в бой опять –
На рубежи потрёпанной тетрадки.

Фантомные боли

* * *

Той ночью болела
душа... Или тело?
Ни то, ни другое.
Но что же тогда?
Фантомные боли
замучили, что ли?
Фантомные боли...
Химера, беда.

Ночь. Тени от ветки.
Бессонницы клетка.
Чугунной плитой
навалится тишь.
О, ты, мной когда-то
забытый, изъятый
из сердца, из жизни,
ты снова болишь!

А помнишь начало?
Тебя отрывала
так долго, так тяжело,
то вкривь, а то вкось.
О, как же болела
душа! Или тело?
И то, и другое,
а всё ж удалось.

Всё ж к марту-апрелю
и швы огрубели,
и дышится ровно,
и сердце в броне.
Но в час мой победный
ты, стёртый бесследно,
фантомною болью
вернулся ко мне!

Вот чёрная птица
влетает, садится.
К ней – хочешь-не хочешь –
привыкнуть изволь.
Вот тени от ветки,
бессонницы клетка,
и нет никого –
только боль, только боль...

* * *

Словно общим кровотоком,
Нас связало, милый мой,
На придуманном Востоке
Непридуманной судьбой,
Жизнью, смертью, что другим,
Может быть, и удаются,
Чёрным проводом тугим –
Кольца глянцевые вьются.
Опрокинется восход
И зальёт проём оконный –
Это сердце захлестнёт
Петлей провод телефонный.
Разлетится на куски
Шар земной, большой и хрупкий,
И завоюет от тоски
Одинокий голос в трубке.

* * *

Сама когда-то, без подсказки

Я разгадала твой секрет:

Ты – сон, ты – вымысел, ты – маска,

Тебя и не было и нет,

Ты – тень от облака, ты – прочерк,

Ты – круг от камня на воде,

Ты – только здесь, в сплетеньи строчек,

А больше нет тебя нигде.

Но если так, то отчего же

Не гаснет в небе надо мной

Неяркий, слабенький, тревожный,

Любви погибшей свет живой?

* * *

Ты мог, ты мог меня спасти,
Но ты не спас.
Горел, горел огонь в горсти,
Потом – погас.

И день, и ночь, и дым, и дом,
И груды дел...
И только ноет в месте том,
Где он горел.

Осталась метка, бледный след
В пять агорот*.
Меня давно на свете нет,
А метка – вот.

Мертва, жива ли – всё одно,
И лишь ладонь
Забыть не может, что давно
Пылал огонь,

Что этот еле видный след
В пять агорот
Судьбы зарубка, знак тех лет
И тайный код,

И потому – не отвести
От метки глаз.
Ты мог, ты мог меня спасти,
Да вот – не спас...

---

*Агора (иврит) – мелкая монета, сотая доля шекеля

* * *

И ещё один важный урок
Среди множества важных и сложных...
Научиться читать между строк
Так непросто, но всё же возможно.

Там, в межстрочье – о, нет, не пустом! –
Вместе будущий день и вчерашний,
Там без слов говорится о том,
Что словами – и трудно, и страшно,

Там снегов бесконечная гладь,
Там земля обнажённая дышит,
Только там и умеют молчать,
Чтобы лучше друг друга расслышать.

На пространстве, свободном от слов,
Бледных, слабых, потухших, чающихся,
Места вдоволь для яви и снов,
Для тебя и меня настоящих.

Если б только ты смог, если б смог!..
Я прошу, постарайся, мой милый,
Научиться читать между строк
То, что мне написать не под силу.

* * *

Я обещала уйти – я уйду.
Нити оборваны, время настало.
Я не тебе – я себе обещала:
Спрыгну с подножки на полном ходу,

Руки раскину и в небо взметнусь,
Поезд грохочущий в полночь умчится...
Я высоко, даже выше, чем птицы.
Я обещала – и я не вернусь,

Не позвоню тебе, не напишу,
Даже во сне не мелькну ненароком.
Кто же вас выдумал, клятвы, зароки?!
Но если сказано, слово сдержу.

Я обещала уйти – я уйду.
Ненарушаемо слово и твёрдо,
Пусть оно станет прощальным аккордом
В этом две тыщи пропащем году.

Спрыгну с подножки у звёзд на виду...
Всё позади. Только легче не стало.
Взгляд твой последний на стылом вокзале
Будет со мной и в раю, и в аду.

* * *

Ну, вот и всё: закрылась дверца,
В окошках свет погас.
Я из души своей и сердца
Вычёркиваю Вас,

А безмятежные картинки
Ещё недавних дней
Сотру невидимой резинкой
Из памяти своей.

На небе звёзды зажигают...
Немедленно, сейчас,
Покуда сил ещё хватает,
Вычёркиваю Вас!

Пока ещё не ослабела,
Пока ещё дышу,
Я Вас вычёркиваю смело,
Я всё перепишу!

Я ничего Вам не простила!
Итак в последний раз:
– О, Вы, кого я так любила,
Вычёркиваю Вас! –

Шепчу горячими губами...
А завтра, в свете дня,
Пойму так ясно: вместе с Вами
Зачёркнута и я.

Пуста душа моя. А сердце –
Живого места нет, –
Как мёртвый дом: закрыта дверца,
Погас в окошках свет.

* * *

Прошлогодний снег несмелый
Падал, падал на дома...
Возвращалась то и дело
Прошлогодняя зима.

Будто слыша звук сигнала,
В эту явь и в эту новь
Вслед за нею прилетала
Прошлогодняя любовь.

Прилетала... Нет, врывалась!
Поднимала кутерьму,
Сокрушала, сокрушалась,
Вопрошала: «Почему?»

Обнимала что есть силы,
Хохотала невпопад,
То судьбу благодарила,
То ругала снегопад,

То негромко что-то пела,
То рвалась опять в полёт...
Жаль, до будущих метелей
Всё одно не доживёт.

И глядел из дальней дали,
И ничем помочь не мог
Бог любви и Бог печали,
Старый-старый грустный Бог.

* * *

Когда-нибудь ты мне напишешь,
Когда земля уснёт в полях,
Когда падут снега на крыши
В чужих далёких городах.

Когда-нибудь ты мне ответишь,
Седой невзрослый человек,
Когда нечаянно заметишь,
Как ускоряют даты бег,

Поют иные песни птицы,
Устали краски и слова...
О, как же горестно склонится
Твоя седая голова!

И полетит сквозь мрак бессонный
Так долго жданный мной ответ...
Сменился адрес электронный.
Прости. Меня здесь точка нет.

* * *

Всё перепутано навеки:
Любовь – со скукой, мир – с войной,
Беда – с победою и реки
С живой и мёртвою водой.

И длится путаница эта
Тысячелетье или два.
Мы перепутали планеты,
Эпохи, страны и слова,

Вокзалы, судьбы, лица, даты...
И ты – при ярком свете дня –
Совсем случайную когда-то,
Всё спутав, принял за меня.

* * *

*Нельзя огонь перебороть огнём...
Петрарка*

Нельзя огонь перебороть огнём,
Но можно излечить любовь любовью,
Клин клином вышибая день за днём,
Лечение оплачивая кровью.

Но ты смоги! Ты всё преодолей!
Прерви безумье замкнутого круга!
Потом поймёшь, что было тяжелей:
Недуг ли сам? Лечение ли недуга?

Дыши свободно и летай во сне,
И праздной избавленье от болезни.
Поймёшь потом: ты в новой западне,
Захлопнувшейся с грохотом железным.

* * *

Моих стихов неяркий свет
И в зной, и в зимнее ненастье,
Когда с судьбою сладу нет, —
Да упасёт вас от несчастья!

Пусть мой негромкий голосок
Тебя, читатель незнакомый,
Хранит, когда ты одинок,
В дороге дальней или дома,

Когда угрюмы небеса,
И сердце сдавлено тревогой,
Когда другие голоса
Тебе ничем помочь не смогут.

И станет тихий голос мой
Слышнее голоса орудий,
И будет он тогда с тобой,
Когда меня уже не будет,

И свет неяркой той звезды,
Зажжённой кем-то ненапрасно,
Пробьётся к вам сквозь мрак и льды,
Когда сама она — погаснет.